

A vintage-style poster with a warm, golden-brown color palette. In the center, a woman with long, dark, wavy hair and a confident expression looks directly at the viewer. She is wearing a red short-sleeved button-down shirt tied at the waist, revealing her midriff, and olive green shorts with a brown belt. To her left, a man with short brown hair and a mustache holds a large fishing net. To her right, another man wearing a hat and a fishing vest holds a fishing rod. The background is a soft-focus sunset or sunrise over a body of water, with a faint rainbow arching across the sky and several bright stars or sparkles. The overall aesthetic is reminiscent of mid-20th-century Soviet-era posters.

МАГИССА

ВОЖАТАЯ
для
РЫБАКОВ

Магисса - Вожатая для Рыбаков

<https://litres.ru/74350719>

Аннотация

ОТКРОВЕННО!! ХЭППИ ЭНД! ВЫБОР ГЕРОИНИ В
КОНЦЕ! ♥#

Я была разорвана на части. Как старая тряпка. Одна часть меня тянулась к Северу, к его свету, к его искусству. Другая — к Бурану, к его тьме, к его первобытной силе.

Я старалась быть хорошей вожатой, улыбалась детям, проводила мероприятия. Но внутри все было в смятении. Я встречалась с Севером — мы гуляли, разговаривали, он рисовал меня. Его прикосновения были нежными, целомудренными. Он говорил о будущем, о нашем общем будущем. Я слушала и кивала, а сердце сжималось от тоски и чувства вины.

Иногда я видела Бурана. Он появлялся внезапно, как вихрь. Перехватывал меня по дороге из магазина, увозил на своей лодке в открытое море. И там, вдали от чужих глаз, мы снова отдавались страсти. Я знала, что это неправильно, что это разрушает меня, но не могла устоять. С ним я чувствовала себя живой, желанной, свободной от всех условностей.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Часть 1

Лето пахло соленой рыбой и дешевым портвейном. И еще — несбывшимися надеждами, как старые письма, найденные на чердаке. Мне было девятнадцать, и мир казался огромной, плохо освещенной сценой, где каждый играл свою роль, не зная финала пьесы. Моя роль была — вожатая Лиана, жгучая брюнетка с, как говорили за спиной, «формами Венеры». Бедра и грудь, да, они были при мне, как верные, но иногда слишком громкие спутники. Я носила их с вызовом и тайной тоской, как орден за войну, которой не было.

Мы жили в маленьком приморском городке, затерянном на карте необъятной Родины, где время текло медленно, как смола по сосновому стволу. Летом сюда съезжались дети — пионерский лагерь «Чайка» был моей летней каторгой и моим спасением. Каторга — потому что чужие дети высасывали все соки, спасение — потому что это была хоть какая-то жизнь, отличная от серой пыли провинциального института, где я училась на филолога, сама не зная зачем.

А еще здесь были они. Север и Буран. Два полюса моей маленькой, раскаленной вселенной.

Север был художником. Непризнанным, конечно, как полагается гению в провинции. Он рисовал море — всегда разное, всегда живое. Его глаза, цвета штормового неба, казалось, видели душу вещей. Он был старше на пять лет, худ,

с тонкими, нервными пальцами, вечно испачканными краской. От него пахло льняным маслом и табаком «Прима». Он говорил мало, но каждое его слово было весомо, как камень, брошенный в тихую воду. С ним было спокойно и немного грустно, как в осеннем парке. Мы бродили по берегу, он рассказывал о цветах и полутонах, а я слушала, и мне казалось, что я понимаю что-то очень важное, чего не выразить словами.

— Ты как море, Лиана, — сказал он однажды, глядя на меня своими пронзительными глазами. — То тихая, то бушующая. И всегда глубокая.

Я тогда покраснела. От него веяло надежностью, чем-то основательным, как старый дуб. Он хотел семью, детей, тихую гавань. Иногда, глядя на него, я думала, что это и есть счастье. Простое, человеческое.

Буран был другим. Полной противоположностью. Его настоящее имя было Руслан, но все звали его Бураном — за неукротимый нрав и стремительность. Он работал на рыболовецком сейнере, и от него всегда пахло морем, рыбой и дерзостью. Широкоплечий, с выгоревшими на солнце волосами и смеющимися голубыми глазами. Он был как стихия, как внезапный летний ливень, после которого дышится легко и хочется жить. Он ничего не обещал, ничего не требовал. Он просто брал — мою руку, мои губы, мое время. С ним я чувствовала себя живой, до дрожи в коленях, до перехватывающего дыхания.

— Эй, вожатая! — кричал он мне через всю площадь, когда я шла с рынка с авоськами. — Рыбакам сегодня везет, поймали русалку!

И подхватывал меня на руки, кружил, пока земля не уходила из-под ног. Его смех был заразителен, его прикосновения обжигали. Он был воплощением молодости, силы, запретного плода.

Я металась между ними, как бабочка между двумя огнями. Два разных мира, два разных тепла. Север дарил покой, Буран — пожар. Кому отдать свое сердце, такое неопытное, такое жаждущее любви? Я не знала. И эта неизвестность была сладка и мучительна одновременно.

Вечера в нашем городке были особенными. Солнце лениво опускалось в море, окрашивая небо в немыслимые цвета. Воздух наполнялся стрекотом цикад и запахом цветущих акаций. Молодежь собиралась на набережной или у старого маяка. Танцы под магнитофон, дешевое вино из граненых стаканов, первые поцелуи, горькие, как полынь.

Я помню один такой вечер. Пионерский лагерь уже затих, дети спали. Я сбежала, перемахнув через невысокий забор. Луна, как начищенный пятак, висела над темной водой. Север ждал меня у старой лодочной станции. Он принес термос с горячим чаем и бутерброды с сыром. Мы сидели на перевернутой лодке, укрывшись его старой курткой.

— Знаешь, Лиана, — сказал он тихо, глядя на лунную дорожку. — Я хочу написать твой портрет. Не просто лицо.

А... все. Твою душу.

Его рука нашла мою. Пальцы были холодными, но прикосновение нежным. Я посмотрела на его профиль, четко вырисовывавшийся на фоне светлеющего неба. В нем была какая-то внутренняя сила, скрытая печаль. Мне захотелось прижаться к нему, согреть его своим теплом.

— Ты позволишь? — спросил он, повернувшись ко мне.

— Да, — прошептала я.

Он наклонился и поцеловал меня. Осторожно, почти благоговейно. Его губы были сухими, немного шершавыми. Поцелуй был долгим, тихим, как разговор без слов. В нем не было страсти Бурана, но была глубина, обещание чего-то большего. Когда он отстранился, я почувствовала себя странно опустошенной и одновременно наполненной.

— Я напишу тебя на рассвете, — сказал он. — Когда мир только просыпается. Когда ты настоящая.

Мы сидели так еще долго, молча. Море шептало свои вечные сказки. И мне казалось, что вот оно, решение. Тихое, надежное счастье.

А через день был праздник Нептуна в лагере. Шум, гам, смех. Дети, раскрашенные синей и зеленой краской, носились как угорелые. Я, в костюме русалки, с короной из ракушек на голове, пыталась поддерживать порядок. И тут появился Буран.

Он приплыл на своей лодке, украшенной водорослями и цветами. На нем была тельняшка и пиратская бандана. Он

спрыгнул на берег, подхватил меня на руки и закричал:

— Царь морской прибыл за своей русалкой!

Дети визжали от восторга. Буран был своим для них — веселый, сильный, немного бесшабашный. Он устроил настоящее представление: боролся с «морскими чудовищами» (другими вожатыми), раздавал «сокровища» (конфеты и мелкие игрушки), обливал всех водой из ведра.

Я смеялась вместе со всеми, забыв о своей роли «строгой вожатой». Его энергия была заразительна. Когда праздник закончился, и дети, уставшие, но довольные, разбрелись по отрядам, Буран подошел ко мне. Мокрый, взъерошенный, но такой притягательный.

— Ну что, русалочка, поплыли в мое царство? — он подмигнул.

— У меня еще дела, — попыталась я возразить, но голос прозвучал неуверенно.

— Дела подождут. Море не ждет.

Он взял меня за руку, и я пошла за ним, как зачарованная. Мы отплыли далеко от берега. Солнце уже клонилось к закату. Вода была теплой, как парное молоко. Буран заглушил мотор. Тишина. Только плеск волн о борт лодки.

— Красиво, правда? — сказал он, обнимая меня за плечи.

— Да, — выдохнула я.

Его близость пьянила. От него пахло морем и солнцем. Он повернул меня к себе. Его глаза горели.

— Ты сегодня была настоящей королевой, Лиана.

И он поцеловал меня. Этот поцелуй был не похож на поцелуй Севера. Он был жадным, требовательным, обжигающим. Я ответила ему с такой же страстью. Мои руки зарылись в его мокрые волосы. Мир сузился до этой лодки, до этого момента, до его губ. Он прижимал меня к себе так сильно, что я чувствовала каждый изгиб его тела. Мой костюм русалки, мокрый и неудобный, казался лишним.

Он оторвался от моих губ, тяжело дыша.

— Пойдем искупаемся? Как есть.

Его предложение было дерзким, но таким соблазнительным. Вокруг ни души. Только мы и море.

— Ты сумасшедший, Буран.

— А ты? — он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой.

Я посмотрела в его глаза, в которых плясали чертики. И кивнула. Что-то внутри меня ликовало, сбрасывая оковы приличий и правил. Мы разделись быстро, неловко, смеясь. Я почувствовала прохладу вечернего воздуха на своей коже. И его взгляд — восхищенный, голодный.

— Ты прекрасна, Лиана, — прошептал он, прежде чем мы вместе прыгнули в воду.

Вода объяла нас, смывая усталость и сомнения. Мы плавали, резвились, как дети. Его руки касались моего тела под водой — скользко, возбуждающе. Потом мы выбрались обратно в лодку, мокрые, счастливые. Он накрыл нас старым брезентом. И там, под звездами, под тихий шепот волн, мы

любили друг друга. Это было не похоже ни на что. Дико, первобытно, как сама природа. Я забыла обо всем — о Севере, о лагере, о завтрашнем дне. Был только он, Буран, его тело, его страсть.

Когда мы возвращались, луна уже высоко стояла на небе. Я чувствовала себя опустошенной и одновременно переполненной. Как будто я выпила бокал очень крепкого вина. Голова кружилась.

У калитки лагеря я замерла. Что я скажу? Как объясню свое долгое отсутствие? Но Буран лишь усмехнулся.

— Не бойся, вожатая. Скажешь, морской царь задержал.

Он поцеловал меня на прощанье — быстро, но жарко. И исчез в ночи, как будто его и не было.

Я пробралась в свою комнатку, как воровка. Сердце колотилось. Я посмотрела на себя в зеркало. Растрепанные волосы, блестящие глаза, припухшие губы. На коже еще остался соленый запах моря и его запах. Я была другой.

На следующий день Север ждал меня на том же месте, у лодочной станции. С мольбертом и красками. Рассвет был нежным, акварельным. Я чувствовала себя виноватой, грязной.

— Ты опоздала, — сказал он мягко, без упрека. — Я уже начал беспокоиться.

— Прости, — пробормотала я, не глядя ему в глаза. — Задержалась.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Что-то случилось? Ты какая-то... другая.

Я вздрогнула. Неужели он видит? Неужели на мне остался след прошлой ночи, как клеймо?

— Нет, все в порядке. Просто не выпалась.

Он кивнул, но взгляд его оставался испытующим. Он начал рисовать. Я сидела на камне, глядя на восходящее солнце. Я пыталась думать о Севере, о его тихой любви, о покое, который он мне обещал. Но перед глазами стоял Буран, его смеющиеся глаза, его сильные руки.

Я была разорвана на части. Как старая тряпка. Одна часть меня тянулась к Северу, к его свету, к его искусству. Другая — к Бурану, к его тьме, к его первобытной силе.

Дни шли своей чередой. Я старалась быть хорошей вожакой, улыбалась детям, проводила мероприятия. Но внутри все было в смятении. Я встречалась с Севером — мы гуляли, разговаривали, он рисовал меня. Его прикосновения были нежными, целомудренными. Он говорил о будущем, о нашем общем будущем. Я слушала и кивала, а сердце сжималось от тоски и чувства вины.

Иногда я видела Бурана. Он появлялся внезапно, как вихрь. Перехватывал меня по дороге из магазина, увозил на своей лодке в открытое море. И там, вдали от чужих глаз, мы снова отдавались страсти. Это было как наркотик. Я знала, что это неправильно, что это разрушает меня, но не могла устоять. С ним я чувствовала себя живой, желанной, свободной от всех условностей.

Я жила двойной жизнью. Одна — светлая, правильная, с Севером. Другая — темная, грешная, с Бураном. И я не знала, какая из них настоящая.

Однажды вечером, после очередного тайного свидания с Бураном, я возвращалась в лагерь. Луна пряталась за тучами. Было темно и немного страшно. У ворот меня ждал Север. Он стоял, прислонившись к забору, и курил. Огонек папирсы вспыхивал в темноте, освещая его бледное, осунувшееся лицо.

— Где ты была, Лиана? — спросил он тихо, но в его голосе звенела сталь.

Я замерла. Сердце ухнуло вниз.

— Я... гуляла, — пролепетала я.

— Гуляла? — он усмехнулся горько. — До двух часов ночи? С кем ты гуляла, Лиана? С ним?

Он знал. Откуда? Кто-то видел? Или он просто догадался? В маленьком городке все на виду.

— Север, я...

— Не надо, — он поднял руку. — Не лги мне больше. Я все знаю.

Его голос был ровным, почти безжизненным. Но в глазах стояла такая боль, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Я видел вас. Вчера. На лодке.

Я закрыла глаза. Поймана. Как дешевая воровка. Стыд обжег меня с головы до ног.

— Север, прости меня, — прошептала я. — Я не хотела...

— Не хотела? — он шагнул ко мне. Я отшатнулась. — А чего ты хотела, Лиана? Чего ты хочешь? Играть с нами обоими? Решать, кто лучше? Кто даст больше?

Его слова хлестали, как пощечины. Я молчала, не находя оправданий.

— Я любил тебя, Лиана, — сказал он глухо. — Или мне так казалось. Я думал, ты другая. Особенная. А ты...

Он не договорил. Резко развернулся и пошел прочь, растворяясь в темноте. Я осталась стоять одна, раздавленная, уничтоженная. Слезы катились по щекам, смешиваясь с пылью и горечью.

Это был конец. Или начало чего-то нового, еще более страшного?

Я не спала всю ночь. Ворочалась на своей узкой койке, вспоминая слова Севера. Его боль, его разочарование. И свою вину. Я была виновата перед ним. Перед собой. Перед всеми.

Утром я чувствовала себя разбитой. Голова болела. В зеркале отразилось бледное, измученное лицо с темными кругами под глазами. Я больше не была той жгучей брюнеткой с формами Венеры. Я была тенью.

Я решила поговорить с Бураном. Рассказать ему все. Может быть, он поймет. Может быть, он... Что «он»? Я сама не знала, чего я от него жду.

Я нашла его на пристани. Он чинил сети, насвистывая ка-

кую-то веселую мелодию. Увидев меня, он улыбнулся.

— Привет, русалочка! Что такая хмурая? Море штормит?

— Нам нужно поговорить, Буран, — сказала я серьезно.

Он отложил сети, вытер руки о штаны.

— О чем? Опять твои пионеры разбежались?

— Нет. О нас.

Он посмотрел на меня внимательно. Улыбка исчезла с его лица.

— Что случилось?

Я рассказала ему все. О Севере, о его словах, о своей вине. Буран слушал молча, нахмутив брови. Когда я закончила, он долго молчал, глядя на море.

— Ну и что? — сказал он наконец. — Он узнал. И что теперь? Ты собираешься вернуться к нему, просить прощения?

Его слова резанули меня. Я ожидала другого. Сочувствия, понимания. А он...

— Я не знаю, — прошептала я. — Я запуталась.

— Да уж, запуталась, — усмехнулся он. — Как рыба в сетях. Так выбирайся! Что ты мечешься, как...

Он не договорил, но я поняла. Как девка на выданье.

— Ты не понимаешь, Буран! — крикнула я. — Мне больно! Я сделала ему больно!

— А мне? — он вдруг повысил голос. — Мне, по-твоему, не больно? Думаешь, мне приятно знать, что ты спишь с другим? Что ты сравниваешь нас?

Я опешила. Он ревновал? Буран, такой свободный, такой независимый?

— Но ты же... ты никогда ничего не говорил...

— А что я должен был говорить? — он шагнул ко мне. — Просить тебя быть только моей? Запирать тебя на ключ? Это не в моих правилах, Лиана. Я думал, ты сама выберешь.

— Выберу? — я горько усмехнулась. — А если я не могу выбрать? Если я хочу и того, и другого?

— Так не бывает, — отрезал он. — Рано или поздно придется выбирать. Или останешься одна. У разбитого корыта.

Он отвернулся, снова взялся за сети. Разговор был окончен.

Я ушла, чувствуя себя еще более потерянной. Два огня погасли. Или, наоборот, разгорелись с новой силой, грозя сжечь меня дотла.

Дни превратились в серую, тягучую массу. Я избегала Севера. Он тоже не искал встреч. Иногда я видела его издалека — он сидел на берегу, рисовал свое вечное море. Лицо его было худым, строгим. Он не смотрел в мою сторону.

Буран тоже пропал. Его сейнер ушел в море на несколько дней. Я осталась одна со своими мыслями, со своей виной.

Лагерная смена подходила к концу. Скоро дети разъедутся. И я уеду. Вернусь в свой город, в свой институт. И все это — море, солнце, Север, Буран — останется здесь, как сон, как воспоминание.

Но я не хотела, чтобы это было просто воспоминанием. Я

хотела понять. Понять себя. Понять, чего я хочу от жизни, от любви.

Однажды вечером, когда уже стемнело, я сидела на веранде своей комнатухи и смотрела на звезды. Их было так много, и они были такими далекими, такими равнодушными. И вдруг я услышала тихий стук в дверь.

Я вздрогнула. Кто это мог быть?

— Кто там? — спросила я дрожащим голосом.

— Это я, Лиана. Север. Можно войти?

Мое сердце замерло. Север. Зачем он пришел?

Я открыла дверь. Он стоял на пороге, такой же бледный и худой. В руках он держал сверток.

— Я пришел попрощаться, — сказал он тихо. — Завтра я уезжаю.

— Уезжаешь? Куда?

— Далеко. На Север. Туда, где мое имя. Может быть, там я найду себя.

Он протянул мне сверток.

— Это тебе. Твой портрет. Я его закончил.

Я взяла сверток дрожащими руками. Развернула.

На холсте была я. Сидящая на камне, на рассвете. Но это была не просто я. Это была моя душа. Мои метания, мои сомнения, моя тоска. Все было там, в этих красках, в этих линиях. Север увидел меня такой, какой я была на самом деле. Растерянной, испуганной, но все еще живой.

— Он... он прекрасен, — прошептала я, чувствуя, как

слезы подступают к глазам.

— Я рад, что тебе понравилось, — он слабо улыбнулся.
— Прощай, Лиана. И... будь счастлива. Если сможешь.

Он повернулся и пошел прочь. Я смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в темноте.

Я осталась одна, с портретом в руках. И с новой, еще большей болью в сердце. Он уехал. Он отказался от меня. Или я сама его оттолкнула?

Я долго сидела, глядя на портрет. Он был как зеркало, отражающее всю мою сущность. Я плакала. Тихо, беззвучно. Оплакивая свою потерянную любовь, свои разбитые мечты.

Прошла неделя. Лагерь опустел. Дети разъехались. Я собирала свои вещи. Завтра и я уеду. Куда? Зачем? Я не знала. Жизнь казалась пустой и бессмысленной.

В последний вечер я пошла к морю. Оно было спокойным, почти неподвижным. Закат окрасил небо в багровые тона. Я села на песок, обняв колени. Прощай, море. Прощай, лето. Прощай, моя короткая, безумная любовь.

И тут я увидела его. Буран. Он шел по берегу, направляясь ко мне. Его сейнер вернулся.

Он подошел, сел рядом. Мы долго молчали, глядя на заходящее солнце.

— Уезжаешь? — спросил он наконец.

— Да. Завтра.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь.

Он усмехнулся.

— Бежишь? От себя?

— Может быть.

Снова молчание. Тягучее, как смола.

— Север уехал, — сказала я тихо.

— Я знаю.

— Он оставил мне портрет.

Буран ничего не ответил. Он достал из кармана пачку «Беломора», закурил. Дым смешивался с соленым морским воздухом.

— Знаешь, Лиана, — сказал он, глядя на огонек папиросы. — Я много думал. Пока был в море. О тебе. О нас.

Я затаила дыхание.

— И что ты надумал?

Он повернулся ко мне. Его глаза были серьезными, без обычной насмешки.

— Я не Север. Я не буду рисовать твои портреты и говорить о высоких материях. Я простой рыбак. Моя жизнь — это море, лодка, сети. И я не могу предложить тебе ничего другого.

Я молчала, глядя на него.

— Но я хочу, чтобы ты знала, — продолжал он. — То, что было между нами... это было по-настоящему. Для меня. И если ты... если ты готова принять меня таким, какой я есть... со всеми моими недостатками, с моей бурной жизнью... то я...

Он замолчал, подбирая слова. Это было так не похоже на него, на бесшабашного Бурана.

— Я хочу, чтобы ты осталась, Лиана, — сказал он наконец. — Останься со мной.

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба. Остаться? С ним? С Бураном? Бросить все — институт, город, свою прежнюю жизнь? Ради чего? Ради этой дикой, необузданной страсти, которая могла сжечь меня дотла?

Я посмотрела на него. В его глазах была надежда. И что-то еще. Что-то глубокое, настоящее. То, чего я раньше не замечала за его внешней удалью.

— Я не знаю, Буран, — прошептала я. — Я не знаю, смогу ли я.

— Подумай, — сказал он. — У тебя есть ночь. А утром... утром я буду ждать тебя здесь. На этом самом месте. Если придешь — значит, да. Если нет... значит, нет. Я пойму.

Он встал, наклонился, поцеловал меня в лоб — нежно, почти по-братски. И ушел. Оставив меня одну со своими мыслями, со своим выбором.

Ночь была долгой. Бессонной. Я лежала на своей койке, глядя в потолок. Север или Буран? Покой или страсть? Прошрое или будущее?

Я вспоминала Севера. Его тихий голос, его нежные руки, его глубокие глаза. Его любовь была как тихая гавань, как надежный причал. Но смогу ли я жить в этой тишине? Не задохнусь ли я от тоски по буре?

Я вспоминала Бурана. Его смех, его сильные объятия, его обжигающие поцелуи. С ним я чувствовала себя живой, настоящей. Но смогу ли я выдержать эту вечную бурю? Не разобьет ли она меня о скалы?

Выбор. Такое простое слово. И такое мучительное.

Я встала, подошла к окну. Рассвет только начинался. Небо на востоке окрасилось в нежно-розовый цвет. Море было спокойным, как будто спало.

Я посмотрела на портрет, оставленный Севером. На нем я была такой, какой он меня видел. Запутавшейся, мечущейся. Но в глазах моих была надежда. Надежда на что?

Я должна была сделать выбор. Не для Севера. Не для Бурана. А для себя.

И вдруг я поняла. Поняла с какой-то ошеломляющей ясностью.

Я оделась, взяла свою небольшую сумку. Вышла из комнаты, закрыла за собой дверь. Лагерь еще спал. Я шла по пустынным аллеям, мимо пустых корпусов, мимо качелей, застывших в неподвижности.

Я шла к морю. К тому месту, где меня ждал Буран.

Или не ждал? Может быть, он уже ушел? Может быть, это был просто порыв, минутная слабость?

Но когда я подошла к берегу, я увидела его. Он сидел на песке, спиной ко мне, глядя на восходящее солнце. Его фигура была напряженной, как натянутая струна.

Я остановилась в нескольких шагах от него. Сердце коло-

тилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Что я скажу ему? Как объясню свой выбор?

Я сделала шаг. Потом еще один. Он услышал мои шаги, обернулся.

Наши глаза встретились. В его взгляде была тревога, ожидание.

И я улыбнулась. Впервые за много дней. Улыбнулась искренне, открыто.

— Привет, рыбак, — сказала я.

Он улыбнулся в ответ, но прежде чем он успел что-то сказать, из-за прибрежных скал, где обычно прятались лодки местных, раздался крик, а затем звук, похожий на выстрел. Мы оба замерли. Улыбка сползла с его лица. Он резко вскочил на ноги, его глаза метнулись в сторону звука. Утро перестало быть мирным.

Часть 2

Тишина, обрушившаяся после выстрела, звенела в ушах, как натянутая струна. Солнце, только что такое ласковое, вдруг показалось слепящим и враждебным. Буран за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.